

Акимов Ю. Г.

Парадипломатия как средство выражения региональной идентичности субъектов федераций

Акимов Юрий Германович

Санкт-Петербургский государственный университет
Профессор кафедры американских исследований
Доктор исторических наук, профессор
y.akimov@spbu.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена международной деятельности субъектов федераций, ее теоретическому осмыслению и практическим аспектам. Основное внимание уделяется внешним связям субъектов, обладающих выраженной этно-лингвистической спецификой. Выясняется, каким образом их международная деятельность связана с выражением и продвижением их региональной идентичности. Данное явление определяется как идентификационная парадипломатия. Вскрывается ее конституционно-правовой статус, взаимосвязь с общими принципами федерализма, спецификой его отдельных форм. В качестве примеров рассматривается международная деятельность франкоязычной канадской провинции Квебек, которая уже на протяжении ряда десятилетий, с 1960-х гг. до настоящего времени, является одним из наиболее заметных несuverенных территориальных акторов мировой политики, а также международная деятельность Республики Татарстан и некоторых других республик, входящих в состав Российской Федерации. Показываются позитивные и негативные стороны идентификационной дипломатии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

международная деятельность субъектов федераций, региональная идентичность, идентификационная парадипломатия, федерализм, Квебек, Канада, Татарстан, Российская Федерация

Akimov Yu. G.

Paradiplomacy as a Way of Promotion of Regional Identity of the Subjects of Federations

Akimov Yury Germanovich

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Professor of the Chair of American researches
Doctor of Science (History), Professor
y.akimov@spbu.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the international activity of the subjects of federations, to the theoretical approaches to this phenomenon as well as its practical aspects. Special attention is given to the international relations of the subjects with some ethnic and/or linguistic specificity. It analyses the interaction between international activities of such subjects and the promotion of their special regional identity. This phenomenon is described as identifying paradiplomacy. The article deals with its constitutional and legal status, its interconnection with general principles of federalism, specificity of different types of federalism. The examples include the international activity of Quebec, a French-speaking Canadian province, which is one of the most active and visible non-sovereign territorial actors on the world stage for several decades since 1960s till present. It also deals with international activity of the republic of Tatarstan and some other republics of the Russian Federation. The article shows the positive and the negative sides of the identifying paradiplomacy.

KEYWORDS

international activities of the subjects of federations, regional identity, identifying paradiplomacy, Federalism, Quebec, Canada, Tatarstan, Russian Federation

Выход на мировую арену большого числа разнообразных несuverенных / негосударственных акторов является отличительной чертой современных международных отношений. Отдельные города, транснациональные корпорации, регионы устанавливают и развивают контакты с зарубежными партнерами в самых разных областях. Это явление, получившее собирательное название *парадипломатия*, открыло немало новых возможностей, но, в то же время, породило и ряд серьезных проблем. Особое место среди вышеперечисленных акторов занимают субъекты федераций. Они обладают территорией, населением и конституционно-закрепленными правами (последние могут трактоваться как элементы суверенитета); все это «приближает» их к суверенным государствам. Также во многих федерациях имеются субъекты, население которых отличается от большинства населения страны и/или от населения других субъектов по языку, этническому происхождению, вероисповеданию и т. п. Такие субъекты часто стремятся использовать внешние связи в том числе и для выражения и продвижения своей идентичности.

Внешние связи субъектов федераций — сравнительно новое явление для нашей страны. В то же время в мире уже накоплен достаточно большой опыт субъектно-территориальной дипломатии (парадипломатии регионов), выявлены плюсы и минусы данного явления, предприняты попытки его теоретического осмысления. Рассмотрению различных подходов к данному явлению, анализу наиболее ярких примеров парадипломатической активности и выявлению особенностей внешних связей российских регионов, прежде всего тех, которые обладают выраженной национальной спецификой, посвящена данная статья.

Парадипломатию в целом часто определяют как «участие субнациональных единиц в международных отношениях через установление формальных и неформальных, постоянных и временных связей с иностранными акторами с целью достижения определенного набора задач через различные стратегии действия на международной арене» [3, с. 76]. Как видим, акцент делается на *субнациональном* характере парадипломатических акторов, которые находятся внутри наций-государств и по отношению к ним являются единицами более низкого, а главное подчиненного порядка. Однако может подчеркиваться и другой аспект. Так, С. Уолф полагает, что парадипломатия — это «внешнеполитические возможности субгосударственных субъектов, их участие, независимое от государства, в которое они входят, в деятельности на международной арене по достижению их собственных особых международных интересов» [9, р. 141–142]. Здесь, на наш взгляд, ключевое определение — *независимое*; оно подчеркивает обособленность внешних связей субгосударственных акторов от политики того государства (в том числе и внешней), к которому они принадлежат.

Говоря о внешних связях субъектов федераций, обладающих этнолингвистической и/или этноконфессиональной спецификой, следует обратить внимание на термин *идентификационная парадипломатия*, используемый преимущественно во франкоязычной научной литературе. Согласно канадскому политологу С. Пакену идентификационная парадипломатия представляет собой «внешнюю политику субгосударственного уровня, одной из признанных целей которой является усиление миноритарной нации в рамках федеративного государства или децентрализованной структуры» [8, р. 73]. В данном случае упор переносится на наличие «миноритарной нации», не обладающей суверенитетом, но доминирующей в каком-либо субъекте федерации.

Пионером идентификационной парадипломатии (и современной субъектно-территориальной дипломатии вообще) является канадская провинция Квебек (неофициально — «Квебекская Республика»).

циально ее часто называют Прекрасной провинцией). Ее первые самостоятельные шаги на международной арене были сделаны еще в 1960-е гг. в период подъема франко-канадского национального движения, получившего название Тихая революция. За прошедшие с той поры пятьдесят лет Квебек стал весьма активным и заметным игроком на международной арене. В настоящее время он располагает разветвленной сетью зарубежных представительств (генеральных делегаций, бюро, антенн и т. п.), охватывающих почти два десятка стран Европы, Азии и Западного полушария. С середины 1960-х гг. Квебек поддерживает «особые» двусторонние отношения с Францией; он также активно сотрудничает с Соединенными Штатами (как с федеральными структурами, так и с отдельными штатами), имеет статус «участвующего правительства» в Международной организации Франкофонии, а с недавнего времени обрел собственный голос в ЮНЕСКО.

Квебекский случай наглядно демонстрирует, какие факторы способствуют развитию идентификационно-парадипломатической активности субъекта федерации. Эти факторы можно разделить на две большие группы: внутренние и внешние.

К внутренним относятся следующие.

Во-первых, наличие этнолингвистического сообщества (миноритарной нации), доминирующего на территории отдельно взятого субъекта/субъектов федерации, и в то же время, представляющего собой меньшинство в масштабе страны. В провинции Квебек франко-канадцы / франко-квебекцы всегда составляли подавляющее большинство населения (около 80%), в то время как во всех остальных провинциях их доля весьма незначительна (на уровне нескольких процентов); единственным исключением является провинция Нью-Брансуик, где примерно треть жителей составляют франкоязычные акадийцы (особая подгруппа франко-канадцев). При этом в Канаде в целом франко-канадцы составляют не более четверти населения (и в масштабе страны их доля имеет тенденцию к снижению).

Во-вторых, контроль со стороны данного сообщества/нации над властными институтами субъекта федерации, которые в свою очередь рассматриваются как инструменты защиты и продвижения его специфических интересов. Провинция Квебек еще с 1960-х гг. рассматривается как выразитель интересов всего франко-канадского сообщества, как «политическое выражение Французской Канады» [7, р. 68–69]. А в 2006 г. ее жители (québécois) были официально признаны «нацией в составе единой Канады»¹.

В-третьих, наличие конституционных возможностей для самостоятельных действий на международной арене. В Канаде конституция не относит внешнюю политику к сфере исключительной компетенции федерального центра. При этом имеется ряд прецедентных решений высших судебных инстанций о том, что заключение международных договоров, затрагивающих сферу исключительной компетенции провинций, не дает федеральному центру права на вмешательство в данную сферу и что такие договоры должны исполняться только на основе федерально-провинциальных договоренностей [6, с. 40–46]. На основании этого в 1965 г. в Квебеке была сформулирована так называемая доктрина Жерен-Лажуа, согласно которой исключительная компетенция провинций должна распространяться и на область внешней политики — то есть провинции должны иметь право самостоятельно заключать международные договоры по вопросам, относящимся к сфере их юрисдикции (культура, наука, образование, природные ресурсы и т. п.) [1].

В-четвертых, это в целом гибкая позиция федеральных властей, которые не

¹PM declares that the Québécois form a nation within a united Canada [Премьер-министр объявил, что квебекцы образуют нацию в составе единой Канады]. Официальный сайт премьер-министра Канады [электронный ресурс] // <http://www.pm.gc.ca/eng/news/2006/11/22/pm-declares-quebecois-form-nation-within-united-canada> (дата обращения: 10.01.2016).

препятствуют международной деятельности субъекта. Следует отметить, что на протяжении довольно длительного времени (до середины 1980-х гг.) официальная Оттава ревниво относилась к международной деятельности Квебека, особенно к его контактам с Францией и структурами Франкофонии. Однако даже тогда Квебек имел возможность развивать свои внешние связи. В дальнейшем позиция канадского правительства стала более гибкой. Оно пошло на компромисс в ряде знаковых вопросов (в частности, согласилось на участие квебекского премьера в саммитах Франкофонии) и более того, в ряде случаев стало оказывать содействие провинциальной парадипломатии [1].

В-пятых, это отсутствие на федеральном уровне эффективных инструментов и механизмов выражения интересов субъекта (в том числе и внешнеполитических). Во многих федеративных государствах таким инструментом является верхняя палата парламента, где представлены субъекты федераций (сенат США, Бундесрат Австрии, федеральный сенат Бразилии и др.) или же для этого существует специальный орган (как, например, Бундесрат в ФРГ). В Канаде этого нет. Верхняя палата канадского парламента — сенат — не является выборным органом и напоминает скорее британскую палату лордов. Впрочем, в Канаде имеются другие инструменты согласования интересов центра с интересами провинций и территории: федерально-провинциальные конференции и учрежденный в 2003 г. Совет Федерации.

В-шестых, это игнорирование федеральным центром интересов национальных меньшинств при проведении внешнеполитического курса. Для Канады это было характерно только до второй половины 1960-х гг. После этого в политике Оттавы произошли серьезные изменения; «французскому» и франкофонному направлению там стало придаваться достаточно большое (подчас демонстративное) значение.

Из внешних факторов необходимо, прежде всего, отметить наличие за рубежом потенциальных партнеров, заинтересованных в развитии сотрудничества с тем или иным субъектом федерации (причем иногда «в пику» отношениям с центральным правительством этой федерации). Этими партнерами могут быть субнациональные единицы (субъекты других федераций, регионы, автономии), суверенные государства, международные организации, диаспоры и т. п. У Квебека таким партнером с середины 1960-х гг. стала Франция, страна родственная ему исторически, лингвистически и культурно. На рубеже 1960–70-х гг. Квебек также стал независимо от федерального правительства участвовать в работе международных франкофонных структур. Следует отметить, что тогда Квебек смог удачно воспользоваться благоприятной для него международной конъюнктурой. В 1960-е гг. Франция под руководством Шарля де Голля всячески стремилась подчеркнуть независимость своего внешнеполитического курса (настолько, насколько это позволяли условия «холодной войны») и Квебек был удобным объектом для этого. Сам де Голль проявлял большой интерес к «заокеанской ветви французского народа»; он с воодушевлением воспринял подъем национального движения франко-канадцев, надеясь, что оно в обозримом приведет к созданию независимого государства, которое, в свою очередь, станет ближайшим союзником Парижа [2].

Свою роль сыграли и процессы деколонизации, приведшей к появлению на карте мира большого числа суверенных франкоязычных государств, которые были заинтересованы в таком развитом партнере, как Квебек. Далее, следует отметить процессы институционализации международного франкофонного сотрудничества (с конца 1960-х гг.) и, наконец, уже в 1980–1990-е гг. интеграционные процессы в рамках Североамериканского континента.

Квебекский пример наглядно показывает, как внешнеполитический фактор может использоваться для решения внутренних задач. В то время как де Голль рассчитывал на возникновение «Французской республики Канады» и прозрачно намекал

квебекскому руководству, что он готов активно поддерживать Прекрасную провинцию на пути к независимости, тогдашний премьер-министр Квебека Даниэль Джонсон рассчитывал использовать «голлистскую карту» прежде всего для того, чтобы добиться от федерального центра реформы федерации в нужном ему ключе [2].

Что касается имеющих в Квебеке сильных сепаратистских настроений (в 1980 и 1995 гг. в провинции проводились референдумы о суверенитете), то их связь с парадипломатической активностью представляется неоднозначной. Приходы к власти в Квебеке сепаратистской Квебекской партии (PQ, отсюда «пекисты») оказывали на международную деятельность провинции не только позитивное (стимулирующее), но и отрицательное воздействие. С одной стороны, усиливалась политизация внешних связей, что не всегда шло им на пользу. С другой — резко возросло противодействие со стороны федерального центра, опасавшегося перехода провинциальной парадипломатии в иное качество — протодипломатии непризнанного государства. Также не всегда позитивной была реакция зарубежных партнеров. Например, США (являющиеся важнейшим торгово-экономическим партнером Прекрасной провинции) всегда недвусмысленно давали понять квебекским сепаратистам, что они не поддерживают их проекты.

Аналогичные факторы определяют международную деятельность других «особых» субъектов федераций и некоторых близких к ним по статусу национальных автономий. Помимо Квебека на мировой арене активно действуют Фландрия и Валлония (после федерализации Бельгии на рубеже XX–XXI вв.), Бавария, а также автономные регионы Испании — Каталония и Страна Басков. Последние в своей международной деятельности эффективно используют диаспоры (соответственно каталанскую и баскскую), существующие в разных странах.

Бурному развитию парадипломатии (во всех ее видах) в последние десятилетия, безусловно, способствовали общие изменения, произошедшие в мировой политике и мировой экономике в конце XX в. — начале XXI в. Это и окончание «холодной войны» с ее межблоковым противостоянием, объективно ограничивавшим рамки международной деятельности несuverенных акторов; и развитие процессов глобализации и глокализации, размывающих национальные границы и в то же время способствующих качественному расширению международного сотрудничества и т. п. [4].

В Российской Федерации субъекты стали выходить на международную арену только в постсоветский период. С начала 1990-х гг., находясь в сложном экономическом положении и в то же время чувствуя ослабление контроля со стороны федерального центра, большинство российских регионов стало развивать внешние связи, преследуя, прежде всего, сугубо прагматические, материальные цели — привлечение инвесторов, поиск рынков сбыта, организация совместных предприятий, развитие трансграничного сотрудничества и т. п. Однако уже тогда ряд субъектов, прежде всего из числа республик, стали стремиться использовать международную деятельность для продвижения своей идентичности, отличной от общероссийской.

Среди них наибольшую активность проявлял Татарстан, добившийся весьма заметных успехов на международной арене. Подъем его идентификационной парадипломатии был обусловлен почти тем же самым набором факторов, что и в вышеописанном случае с Квебеком. Прежде всего налицо была этнокультурная и этноконфессиональная специфика региона, где этнические татары стабильно составляли около половины населения и доминировали в республиканских органах управления. В годы перестройки Татарстан, как и многие другие «национальные» субъекты федерации, переживал подъем националистических настроений. Руководство и национальная элита республики достаточно длительное время отстаивали идею о том, что она является суверенным государством, ассоциированным с Россией. Здесь напрашивается определенная параллель с концепцией «суверенитет-ассоциация», которую выдвигали квебекские сепаратисты в 1970–80-е гг.

(политический суверенитет Квебека при сохранении экономической ассоциации с «Остальной Канадой»).

Также следует учитывать, что федеральный центр в 1990-е гг. в силу известных обстоятельств не мог эффективно противостоять многим центробежным тенденциям, и был вынужден до определенного времени мириться с подобными притязаниями регионов. Наконец необходимо отметить благоприятную для Казани ситуацию на мировой арене, где имелся ряд игроков (прежде всего это США, Турция, Иран), стремившихся использовать отношения с Татарстаном одновременно для усиления собственных позиций на постсоветском пространстве и для ослабления России.

С начала 1990-х гг. под международную деятельность Татарстана стала подвигаться соответствующая юридическая база. Так, ст. 62 Конституции Татарстана 1992 г. гласила: «Республика Татарстан вступает в отношения с другими государствами, заключает международные договоры, обменивается дипломатическими, консульскими, торговыми и иными представительствами, участвует в деятельности международных организаций, руководствуясь принципами международного права»¹. 15 февраля 1994 г. между Москвой и Казанью были подписаны двусторонний договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» и соглашение «О разграничении полномочий в области внешнеэкономических связей».

В договоре (ст. 2, п. 11) подтверждалось, что «Органы государственной власти Республики Татарстан осуществляют полномочия государственной власти, в том числе <...> участвуют в международных соглашениях, устанавливают отношения с иностранными государствами и заключают с ними соглашения, не противоречащие Конституции и международным обязательствам Российской Федерации, Конституции Республики Татарстан и настоящему договору, участвуют в деятельности соответствующих международных организаций». К сфере совместной юрисдикции была отнесена координирующая функция (ст. 3, п. 5), а вопросы войны и мира (и международных отношений Российской Федерации в целом) оставлены в ведении федерального центра (ст. 4, п. 9)².

В соглашении к исключительному ведению Республики Татарстан было отнесено «заключение внешнеэкономических соглашений с субъектами иностранных федераций, административно-территориальными образованиями других стран государств; заключение торгово-экономических соглашений Республики Татарстан с иностранными государствами»³.

Политическое руководство Татарстана исходило из того, что республика является государственным образованием, обладающим суверенитетом, хотя и не полным. В качестве примера можно привести следующие слова первого президента Татарстана Минтимера Шаймиева из его доклада на сессии Государственного

¹ Конституция республики Татарстан (редакция 1992 г.) Государственный совет Республики Татарстан. Официальный сайт [электронный ресурс] http://www.gossov.tatarstan.ru/fs/site_documents_struc/history/konst1992rus.zip (дата обращения: 10.01.2016).

² Договор между Российской Федерацией и Республикой Татарстан от 15.02.94 «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» // Закон прост! Правовая консультационная служба [электронный ресурс] // <http://www.zakonprost.ru/content/base/36684> (дата обращения: 10.01.2015).

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Татарстан от 15.02.94 «О разграничении полномочий в области внешнеэкономических связей». Законодательная база Российской Федерации [электронный ресурс] // <http://zakonbase.ru/content/base/30439> (дата обращения: 10.01.2015).

Совета Республики 28 февраля 2002 г.: «...попытки трактовать республики [имеются в виду республики в составе Российской Федерации] как негосударственные образования вызывают недоумение. Республика — есть форма государства, <...> а государства, как известно, без суверенитета не бывает. Мы исходили и исходим из того, что в федеративном государстве не может быть абсолютного суверенитета. Он делим в соответствии с компетенцией центра и республик» [5].

Что касается практических шагов, то уже в первой половине 1990-х гг. Татарстан создал сеть постоянных представительств, как в странах дальнего зарубежья (Австрия, Кипр, Словакия, США, Турция, Франция, Чехия), так и на пространстве СНГ (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Украина). В Казани также открылся ряд генеральных консульств.

Большое символическое значение имели зарубежные поездки Минтимера Шаймиева, которые в ряде случаев обставлялись почти как визиты главы суверенного государства (и, соответственно, так же преподносились в республиканских СМИ). Безусловно, следует отдать должное первому президенту Татарстана, который весьма активно и уверенно развивал контакты с руководителями самого высокого уровня, используя для этого различные форматы, площадки.

Что касается идентификационной парадипломатии, то к ней следует отнести контакты Татарстана с тюркоязычными государствами и, прежде всего, Турцией, отношения с которой уже с начала 1990-х гг. приобрели особое значение для Казани. Еще в 1992 г. состоялся первый официальный визит Шаймиева во главе татарстанской делегации в Турцию, где его приняли тогдашние премьер-министр Сулейман Демирель и президент Тургут Озал. В дальнейшем первый президент Татарстана еще трижды (в 1995, 1997 и 1999 гг.) встречался с Демирелем, занявшим к тому времени пост президента. Для Казани именно Турция стала одновременно и основным торгово-экономическим партнером (она стабильно занимает первое место по количеству совместных предприятий, зарегистрированных на территории Татарстана) и основным партнером по сотрудничеству в культурной и образовательной сфере. Наряду с Турцией важное символическое значение (конечно, наряду с практическим) имели контакты с Азербайджаном, Казахстаном, Египтом, ОАЭ, Ираном, Малайзией. С главами всех этих государств (кроме ОАЭ) Шаймиев встречался лично. В данном случае опять-таки напрашивается параллель с визитами квебекских лидеров во Францию и некоторые страны франкофонной Африки, в ходе которых провинциальным премьерам часто оказывали почести, положенные только главам суверенных государств.

В 1990-е гг. развитие идентификационной парадипломатии было характерно и для других субъектов Российской Федерации, прежде всего для Башкортостана, республики Саха (Якутия) и некоторых других республик и автономных округов. Как и в случае с Татарстаном, они также подводили соответствующую конституционно-правовую базу под свою международную деятельность. Так, принятая в 1992 г. конституция Республики Саха (Якутия) содержала раздел VI (ст. 135–139), посвященный внешним связям¹.

Что касается выбора партнеров, то тюркоязычные и/или мусульманские регионы обычно ориентировались на Турцию, ОАЭ, другие арабские страны и т. п.; субъекты, где присутствовало сколько-нибудь заметное финно-угорское население, пытались устанавливать контакты с Венгрией и Финляндией. В последнем случае идентификационная парадипломатия в наибольшей степени использовалась для

¹ Конституция республики Саха (Якутия), редакция 1992 г. Справочно-правовая система «Право.ru» [электронный ресурс] // <http://docs.pravo.ru/document/view/11791386/23205797/?mode=full> (дата обращения: 10.01.2016).

облегчения решения экономических вопросов (например, именно так поступало руководство Республики Карелия).

Укрепление вертикали власти в Российской Федерации сказалось и на международной деятельности субъектов. В начале 2000-х гг. законодательство субъектов было приведено в соответствие с Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством. В результате в Конституции Татарстана статья, посвященная внешним связям (ст. 6), стала звучать так: «Республика Татарстан в пределах своих полномочий вступает в международные и внешнеэкономические связи с субъектами и административно-территориальными образованиями иностранных государств, иностранными государствами, заключает международные соглашения, обменивается представительскими, участвует в деятельности международных организаций»¹. Аналогичные изменения были внесены в конституции других субъектов. В 2007 г. между Москвой и Казанью было заключено новое соглашение о разграничении предметов ведения и полномочий. Параллельно была качественно усилена координирующая функция российского МИДа.

В целом в начале XXI в. идентификационная парадипломатия субъектов Российской Федерации постепенно пошла на спад, однако она не исчезла совсем. Сохраняются особые отношения Татарстана и Турции (последняя остается важным, хотя уже и не главным торгово-экономическим партнером Казани). В частности, турецкие специалисты и турецкий опыт широко использовались при подготовке и проведении в столице Татарстана мероприятий XXVII Всемирной летней универсиады 2013 г. Всего в настоящее время Татарстан представлен в 9 зарубежных странах: Чехии, Турции, Казахстане, Украине, Франции, Туркменистане, Азербайджане, Узбекистане и ОАЭ (в формате полномочных представительств, торгово-экономических представительств, постоянных представительств)².

Как и многие другие явления, идентификационная парадипломатия имеет свои плюсы и минусы. С одной стороны, она выступает в качестве средства гармонизации национальных отношений в полиэтничном и поликонфессиональном государстве, может помогать федеральному центру находить каналы налаживания контактов с другими странами. С другой — она может размывать единую внешнюю политику государства, способствовать появлению и развитию деструктивных процессов. Однако в конечном итоге все зависит от сознательности, политической воли и политической культуры центра и субъектов, их приверженности принципам федерализма и желания идти навстречу друг другу.

Литература

1. *Акимов Ю. Г.* Квебекская парадипломатия и позиция федерального правительства Канады: от конфликта к компромиссу // Вестник С.-Петербур. ун-та. 2011. Сер. 6. Вып. 4. С. 48–56.
2. *Акимов Ю. Г.* «Да здравствует свободный Квебек!» — Шарль де Голль и Французская Канада // КЛИО. 2015. № 3. С. 241.
3. *Кузнецов А. С.* Парадипломатия: трактовки и теоретические модели // Дискурс-Пи. Научно-практический альманах. Вып. 6. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2006. С. 76–78.
4. *Фарукшин М. Х.* Субъекты федераций в международных отношениях // ПОЛИС. 1995. № 6. С. 109–118.
5. *Шаймиев М. Ш.* Послание Президента Республики Татарстан Государственному Совету Республики Татарстан «О положении в республике и основных направлениях социально-экономической политики в 2002 году» // Республика Татарстан. Общественно-политическая

¹ Конституция республики Татарстан (действующая редакция). Государственный совет Республики Татарстан. Официальный сайт [электронный ресурс] // <http://www.gossov.tatarstan.ru/konstitucia/> (дата обращения: 10.01.2016).

² Правительство республики Татарстан. Официальный сайт [электронный ресурс] // http://prav.tatarstan.ru/representative_offices.htm (дата обращения: 10.01.2016).

газета. 01.03.2002 [Электронный ресурс] // <http://www.rt-online.ru/aticles/rubric-69/44471/> (дата обращения 10.01.2016).

6. Шило В. Е. Канадский федерализм и международные отношения. М. : Наука, 1985.
7. Morin C. *Le combat québécois*. Montréal : Boréal Express, 1973.
8. Paquin S. *Paradiplomatie et relations internationales. Théories des stratégies internationales des régions face à la mondialisation*. Bruxelles: Les presses interuniversitaires européennes — Peter-Lang. 2004.
9. Wolff S. *Paradiplomacy: Scope, Opportunities and Challenges* // *The Bologna Center Journal of International Affairs*. 2007. Vol. 10, N 1. P. 141–150.

References

1. Akimov Yu.G. *Quebec paradiplomacy and position of the federal government of Canada: from the conflict to a compromise* [Kvebekskaya paradiplomatiya i pozitsiya federal'nogo pravitel'stva Kanady: ot konflikta k kompromissu] // *Bulletin of the Saint-Petersburg State University [Vestnik S.-Peterb. un-ta]*. 2011. Series 6. V. 4. P. 48–56. (rus)
2. Akimov Yu.G. «*Long live free Quebec!*» — *Charles de Gaulle and the French Canada* [«Da zdravstvuet svobodnyi Kvebek!» — Shari' de Goll' i Frantsuzskaya Kanada] // *Clio [KLIO]*. 2015. N 3. P. 241. (rus)
3. Kuznetsov A. S. *Paradiplomacy: treatments and theoretical models* [Paradiplomatiya: traktovki i teoreticheskie modeli] // *Discourse Pi. Scientific and practical almanac [Diskurs-Pi. Nauchno-prakticheskii al'manakh]*. V. 6. Yekaterinburg : Publishing house of USU, 2006. P. 76–78. (rus)
4. Farukshin M.H. *Subjects of federations in the international relations* [Sub"ekty federatsii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh] // *Political Researches [POLIS]*. 1995. N 6. P. 109–118. (rus)
5. Shaimiev M.Sh. *The message of the President of the Republic of Tatarstan to the State Council of the Republic of Tatarstan «About situation in the Republic and the main directions of social and economic policy in 2002»* [Poslanie Prezidenta Respubliki Tatarstan Gosudarstvennomu Sovetu Respubliki Tatarstan «O polozhenii v respublike i osnovnykh napravleniyakh sotsial'no-ekonomicheskoi politiki v 2002 godu»] // *the Republic of Tatarstan. Political newspaper [Respublika Tatarstan. Obshchestvenno-politicheskaya gazeta]*. 01.03.2002. [electronic resource]. URL: <http://www.rt-online.ru/aticles/rubric-69/44471/> (rus)
6. Shilo V. E. *Canadian federalism and international relations* [Kanadskii federalizm i mezhdunarodnye otnosheniya]. M. : Science [Nauka], 1985. (rus)
7. Morin C. *Le combat québécois*. Montréal : Boréal Express, 1973.
8. Paquin S. *Paradiplomatie et relations internationales. Théories des stratégies internationales des régions face à la mondialisation*. Bruxelles: Les presses interuniversitaires européennes — Peter-Lang. 2004.
9. Wolff S. *Paradiplomacy: Scope, Opportunities and Challenges* // *The Bologna Center Journal of International Affairs*. 2007. Vol. 10, N 1. P. 141–150.